

18+

Сказать по правде

«Укрощение строптивой»
XXI века

Как бы сложилась судьба
героев шекспировской пьесы
в современном мире?

ЭМИЛИ УИББЕРЛИ

ОСТИН СИГМУНД-БРОКА

Молодежный роман

Остин Сигмунд-Брока

Сказать по правде

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-311.
ББК 84(4 Вел)

Сигмунд-Брока О.

Сказать по правде / О. Сигмунд-Брока — «Издательство АСТ»,
2019 — (Молодежный роман)

ISBN 978-5-17-120501-0

Репутацию Кэмерон Брайт можно выразить одним словом: стерва. Неудивительно, что она королева «дрянных девчонок» и привыкла всегда получать желаемое. Но даже у таких, как она, есть слабости. Эндрю – ее первая настоящая любовь и восходящая звезда футбольной команды. А еще... он не хочет иметь с Кэмерон ничего общего. Чтобы завоевать красавчика, нужно «приручить» себя, извинившись перед всеми, кого она обидела. Даже перед Бренданом, чья жизнь практически пошла под откос. Но что, если на самом деле любовь, которую Брайт заслуживает, не требует жертв?

УДК 821.111-311.

ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-120501-0

© Сигмунд-Брока О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмили Уибберли, Остин Сигмунд-Брока **Сказать по правде**

Строптивым, которых не укротить

Глава 1

– СТЕРВА, – шепчет Отем Кэри у меня за спиной. Наверное, я это заслужила тем, что осмелилась обогнать ее и первой войти в двери столовой. Я подрезала ее, пока она изучала свое отражение в камере телефона, пытаюсь решить, не зря ли отрезала челку. Зря. В глубине души мне хочется развернуться и сказать Отем, что я не могу ходить за ней гуськом все время обеда, но я сдерживаюсь.

Вместо этого склоняю голову ровно настолько, чтобы дать Отем понять: я ее услышала, но это не волнует меня настолько, чтобы отвечать. У меня есть свои дела. Отем не так интересна, чтобы удерживать мое внимание, а тем словом меня называли слишком часто (и тем же шепотом), поэтому оно перестало задевать. По крайней мере, когда оно звучит из уст таких девиц, как она. Здесь это популярное мнение. «Кэмерон Брайт – стерва».

Я распахиваю дверь и выхожу на улицу. Солнце играет на струях фонтана в середине двора, окруженного низкими кустами и обеденными столами. Температура под миллиард градусов, потому что сейчас сентябрь, когда в Лос-Анджелесе царит апокалиптическая жара. Я направляюсь к лестнице на патио второго этажа, расположенного под крышей из красной черепицы и кремовыми арками, – школа построена в стиле испанской миссии.

Я замечаю, что в мою сторону поворачиваются головы. Девочки смотрят на меня наполовину с восхищением, наполовину с обидой; мальчики заинтригованы. Надо сказать в их защиту, что я понимаю – я... горяча. Я блондинка от природы, и у меня тело, которое получается, только если пробегать по шесть миль в день.

Десятиклассница пялится на меня через перила с нескрываемым интересом человека, который не знает, что его заметили. Я бросаю ей взгляд – «Что-то не так?» – и она отводит глаза, а ее щеки краснеют.

Я популярна. Не знаю, почему. Едва ли я единственная сексуальная девчонка в школе. Дело не в том, что я богата. Да и, к слову, это не так. Богат мой отец, но он переехал в Филадельфию в тот же год, когда я родилась, не без причины, конечно. Он присылает чек, покрывающий стоимость моего образования, оплату маминой квартиры и больше ничего. И мне не приносит популярность то, что мои родители получили «Оскар», или выступали на переполненных стадионах, или спали со Стивеном Тайлером. Мою маму можно посчитать актрисой, но только из числа никому не нужных, третьесортных. Она играла в паре рекламных роликов и в театральных постановках, когда я ходила в начальную школу. С тех пор она катится по наклонной: смотрит мыльные оперы и сидит в интернете.

Честно говоря, на фоне одноклассников во мне нет ничего интересного. Бомонт Преп – лучшая и самая дорогая школа на западном побережье – полна детей богачей и знаменитостей. Актрис, предпринимателей, спортсменов, музыкантов.

И среди них – я. Я живу в сорока минутах от них, в Корея-Таун. Езжу на «тойоте», которая, по-моему, сделана раньше, чем Клинтон стал президентом. Я не законодатель моды и не выкладываю в «Инстаграм» фото, которые собирают тысячи лайков по всему миру.

Но я популярна. Это невозможно отрицать, в этом не стоит сомневаться.

Я нахожу наш обычный стол, с видом на двор. Все знают, что патио второго этажа принадлежит нам; оттуда лучший вид для нас и на нас. Пока там никого нет, так что у меня есть время достать блокнот и набросать короткий список, чтобы упорядочить мысли.

Задачи на 8.09

Написать рецензию на эссе для Уортона

Оздоровительная пробежка

Домашнее задание по экономике

Я уверена, что есть четвертый пункт; пытаюсь его вспомнить, но не получается. Я использую списки, чтобы снять напряжение, а нервничать начинаю, если мне кажется, что дела не распланированы и все выходит из-под контроля. Именно так я себя чувствую сейчас, пытаюсь вспомнить последнюю задачу на сегодня...

– Ты могла бы сегодня прийти ко мне, – воркует противный мужской голос, гарантированно принадлежащий Джеффу Митчелу. Две сумки бросают на стол у меня за спиной.

Я закатываю глаза, когда женский голос отвечает:

– Ты не идешь на вечеринку Ребекки?

Женский голос – застенчивый и явно игривый. Я морщусь. Джефф Митчел ужасен. Богатый, избалованный и привлекательный ровно настолько, чтобы быть невыносимо заносчивым. Он получает односторонние свидания, курит травку вместо занятий и любит производить впечатление на девушек, «угощая» их ужинами за пять сотен долларов в папочкинском ресторане.

– Не пойду, если ты ко мне придешь, – отвечает Джефф. Я слышу шуршание ткани, выдающее физический контакт. Не хочу знать, в чем он заключался. Мне нужно закончить список, но не получится, если позади будет продолжаться *это*.

Скрипнув зубами, я разворачиваюсь к парочке.

Джефф усмехается, вздернув воротник и положив одну руку на колено, обтянутое белыми джинсами, принадлежащее Бетани Бишоп. Той самой Бетани, которой разбивали сердце практически все известные идиоты Бомонта, включая тупых богачей и спортсменов-донжуанов. У меня нет ни времени, ни желания наблюдать, как этот пересечет финишную черту.

– Серьезно? – Я медленно перевожу взгляд на Бетани. – Теперь ты флиртуешь *сним*?

Та краснеет и отвечает возмущенным взглядом.

– Твоего мнения никто не спрашивал.

– Тебя только что бросили. – Я пропускаю ее слова мимо ушей. – Об этом знала вся школа. Ты *неделями* рыдала до соплей возле шкафчика. У меня нет ни малейшего желания снова наблюдать это каждый день по дороге на этику, а Джефф куда хуже, чем твой бывший.

– Эй, – влезает Джефф. Я перевожу на него гневный взгляд.

– А что касается тебя... – Я снова поворачиваюсь к Бетани. – Честно, ты неплохо выглядишь. Конечно, гардероб стоило бы освежить, и смех у тебя ужасно раздражающий. Но с учетом всех обстоятельств, по меркам Бомонта, ты тянешь на шесть с половиной. А Джефф, – я машу в его сторону рукой, – на двойку. Ты можешь найти парня куда лучше, – убеждаю я.

Бетани хватается за сумку.

– Пошла ты, Кэмерон! – Она возмущенно удаляется, не понимая, какую большую услугу я ей оказала.

Никто этого не понимает. Когда люди не называют меня *стервой*, то говорят, что я чересчур честная. Я знаю. Прекрасно знаю. Когда растешь с таким отцом, как у меня, который сопровождал каждый редкий визит и телефонный звонок на протяжении всего моего детства прямолинейными комментариями, это становится инстинктом. И ведь он никогда не ошибается, даже если его слова причиняют боль. А они причиняют – я знаю, что он сволочь. Но он – успешная сволочь, владелец одной из 500 крупнейших компаний в США с пентхаусами на двух континентах. После каждой его критики я могла увянуть и чувствовать себя неудачницей – или принять вызов и стать лучше. За это я всегда ценила его честность.

Бетани, очевидно, со мной не согласна.

– Какого черта? – раздраженно спрашивает Джефф. – Бетани стопроцентно дала бы мне. Ты моя должница.

– Ну конечно. *Этот* мне должен за десять минут моей жизни, которые уже не вернуть.

Он смеряет меня взглядом, и выражение его лица меняется. От поднятых бровей меня начинает тошнить.

– Я бы дал тебе десять минут, – говорит он тоном, который, вероятно, считает соблазнительным.

– Лучше сдохнуть.

– Блин, Кэмерон, – раздражается он, – тебе нужно расслабиться. Сделай миру услугу, трахнись уже! Если ты так и будешь изображать снежную королеву, однажды не останется парней, которые на тебя клюнут.

– Главное, чтобы тебя не стало раньше. Чем скорее этот разговор закончится, тем лучше.

– Ты ведь это не всерьез. Кстати, придешь сегодня в «Скару»? Я там буду. Мы могли бы...

Но я не слышу мечты Джеффа Митчела о том, чем мы могли бы заняться вечером, потому что его предложение, хотя и всесторонне отвратительное, напоминает мне, чего в моем списке не хватает. Я возвращаюсь к блокноту и продолжаю:

Узнать, идет ли футбольная команда в «Скару».

Может, я известна в кампусе как «снежная королева», но мне недолго ею оставаться. Если, конечно, один член футбольной команды придет в ночной клуб в Северном Голливуде, где одна из чирлидеров сегодня устраивает большую вечеринку.

– Ты меня вообще слушаешь? – ноет Джефф, требуя моего внимания.

– Конечно нет. – Я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы увидеть приближение двух моих лучших друзей. Эль Ли смеряет Джеффа взглядом, полным такого чистого отвращения, что слова не нужны. Джефф хватается за свой рюкзак и наконец убегает прочь. Клянусь, у нее дар.

– Разрешите понюхать? – В голосе Эль звучит характерное раздражение. Она падает на сиденье напротив от меня, уже совершенно забыв про Джеффа. Я закрываю блокнот, пока они с Морган ставят свои подносы с обедом на стол.

Ослепительные белокурые волосы Морган заплетены в замысловатую косу. На ней платье от Dolce & Gabbana, но Морган Ле-Клер даже в спортивных штанах могла бы выглядеть кинозвездой. Потому что она, в сущности, и есть кинозвезда. Ее мама – музыкальный продюсер, и Морган всю жизнь тусуется с Дональдами Гловерами и Деми Ловато этого мира. В десять лет она решила, что хочет быть актрисой, и год назад ее агент начал подбирать ей роли в местных инди-фильмах. Она сидит рядом с Эль со скучающим видом, и у меня складывается впечатление, что она слышала первую половину нытья Эль по пути из столовой.

Эль взбивает короткие блестящие черные волосы пальцами с идеальным маникюром. Ее рост не дотягивает даже до 160 сантиметров, однако все – включая учителей – сходятся на том, что она – самый грозный человек на кампусе.

Поэтому я не собираюсь ее перебивать.

– Разрешаю, – говорю я с величественным взмахом руки.

– МиссМелани¹ получила спонсорство от «Сефоры»², – вскипает Эль настолько, что становится заметен ее британский акцент. До десяти лет она росла в Гонконге, и английскому ее учили дорогостоящие частные репетиторы. – Я сняла множество видеороликов про их контур для губ. Я даже сняла закупочное видео, для которого потратила семь сотен собственных денег на косметику, которая мне не нужна. Я писала их главе электронной рекламы имейлы с поцелуями в попку – и все только для того, чтобы они пошли к такой идиотке, как МиссМелани, которая путает в комментариях «-тся» и «-ться»!

Эллен Ли, которую 15 миллионов подписчиков на «Ютубе» знают как Elli, еженедельно выкладывает тьюториалы по макияжу, которые входят в число лучших по количеству просмотров. Каждую неделю она создает и демонстрирует образ для любой цели – от новогодней вече-

¹ MissMelanie (англ).

² Sephora (англ).

ринки до похорон. Она дважды попадала в список «Самых высокооплачиваемых звезд Ютуба» от *Forbes*.

Несмотря на мое полное и абсолютное отсутствие интереса к косметике или популярности в интернете, мы с Эль удивительно похожи. Она – единственный известный мне человек, который понимает, насколько безрассудны и легкомысленны 99 процентов людей в нашей школе. Эль непоколебимо честна и пойдет на что угодно, чтобы достичь своих целей. Вот почему мы неразлучны.

И вот почему я знаю, что она выдержит небольшую демонстрацию характера в ответ.

Я отвечаю ей ироничным взглядом:

– Ты же знаешь, что говоришь так, словно тебе все должны?

Эль едва удосуживается на меня посмотреть.

– Разумеется, – говорит она, скрывая улыбку. – «Сефора» *должна* спонсировать меня за активную работу, а ты *должна* слушать мое нытье и не жаловаться, потому что я приходила на все твои нескончаемые гонки по пересеченной местности.

Честно говоря, это правда. Эль и Морган приходили практически на каждую гонку, которую я могу вспомнить. Часто на трибунах за меня болеют только они. В первый раз они приходили, когда я была в девятом классе и пригласила отца, потому что он случайно приехал в город очаровывать инвесторов перед грядущим предложением акций. Я раз мечталась, что он придет и увидит, как я выигрываю. Когда я пересекла финишную черту, его не было – но были Эль и Морган. Их присутствие оказалось для меня сюрпризом, и только это спасло меня от того, чтобы окончательно пасть духом.

– Вы обе ужасны, – говорит Морган, качая головой. – Не понимаю, почему я с вами вообще дружу.

Нам с Эль не нужно обмениваться взглядами. Мы одновременно набрасываемся на Морган.

– Ты отличница, ты добрая, у тебя крутые богатые родители... – начинаю я.

– Ты актриса и красавица, – продолжает Эль.

– Ты слишком совершенна, – добавляю я.

– Никто, кроме нас, не справится с тем, чтобы с тобой дружить.

Морган закатывает глаза и краснеет.

– Вы совершенно ужасны.

– Но ты нас любишь, – пожимаю плечами я.

– Тут можно поспорить, – подмигивает она в ответ и достает телефон, вероятно, чтобы написать своему бойфренду Брэду.

Я замечаю время на ее экране. Черт. Осталось десять минут обеденного перерыва. Мне нужно отдать рецензию на эссе и забрать свою из Центра колледжа и карьеры. Я засовываю блокнот в сумку и встаю.

– Морган, – я вспоминаю последний пункт в списке дел, – спроси Брэда, может, он знает, придет ли сегодня в «Скару» футбольная команда?

На мне немедленно останавливаются две пары глаз. Знаю, этого и следовало ожидать.

– Почему тебя интересует футбольная команда? – спрашивает Эль. – Ты же не собираешься завершить два года одиноких вечеров пятницы, переспав с кем-нибудь?

– Что дурного в том, чтобы просто посмотреть на витрины? – легко отвечаю я, забрасываю сумку на плечо и ухожу от вопроса.

Я направляюсь в Центр колледжа и карьеры. Проходя мимо фонтана во дворе, я подчеркнуто игнорирую Отем Кэри и ее друзей, которые как один гневно смотрят в мою сторону. Меня это не волнует. Если бы каждый подобный взгляд, который я заслужила или получила незаслуженно, меня беспокоил, я бы утонула в осуждении.

Я ускоряю шаг, чтобы успеть пересечь кампус и забрать свое эссе. Центр колледжа и карьеры разбивает старшекласников на пары, чтобы они писали друг другу рецензии на эссе для поступления в колледж. К сожалению, это обязательно, насколько бы мне ни было безразлично мнение однокласников на мои перспективы продолжения образования. Мне в партнеры досталась Пейдж Розенфельд, поразительно странная девица, но, к счастью, мне не нужно с ней разговаривать. В эссе она писала о том, как не может помочь однокласнику, которого травят, и я оставила только пару замечаний. Погружение в личную жизнь Пейдж далеко от первого места в числе моих приоритетов.

Куда больше меня волнует *мое* эссе. Оно должно быть идеальным. Я все лето работала над черновиком, который сдала в ЦКК. Писала, переписывала, редактировала. Я даже попросила Брэда, бойфренда Морган, который собирается последовать по стопам отца в Гарвард, отредактировать его, и разрешила быть жестким – насколько Брэд на это способен.

Потому что мне нужно, чтобы оно было готово, отшлифовано и идеально к 1 ноября. Это крайний срок подачи заявления на ранний прием в школу Уортон при Университете Пенсильвании.

Там учился мой отец. Хотя мы никогда не жили вместе, хотя наши отношения явно дисфункциональны, я давно хотела учиться там же, где и он. Если меня примут, он будет знать, на что я способна. Если меня примут, Ю-Пенн будет нас объединять.

Я вхожу в Центр колледжа и карьеры за несколько минут до конца обеда. Он пуст, и я пересекаю чересчур чистую комнату с ковром на полу в направлении ученических почтовых ящиков. Бросаю эссе Пейдж в ее ящик, а потом перехожу к своему. Сверху лежит конверт с комментариями Пейдж к моему эссе. Я торопливо разбираю страницы и начинаю просматривать заметки красными чернилами на полях.

Их... много. Сердце сжимается, а потом бьется сильнее. Я не собиралась переживать из-за комментариев Пейдж Розенфельд, но когда видишь такое, игнорировать трудно.

Я открываю последнюю страницу, на которой Пейдж, оказывается, оставила финальную записку. Я заставляю себя сосредоточиться на каждом предложении, несмотря на то, что предпочла бы игнорировать их все.

Все это выглядит очень неискренне. Кто угодно смог бы написать такое эссе, погулив пару раз Ю-Пенн. Здесь нет тебя. Какой бы ни была причина, по которой ты хочешь там учиться – просто скажи ее. Попробуй найти немного страсти – и начни заново.

Я хмурюсь. Кто такая эта Пейдж, чтобы говорить мне про искренность? Она меня не знает. Не то чтобы ее эссе можно считать блестящим. Если бы мне не было все равно, я бы тоже могла написать ей записку с критикой банального выбора темы и чересчур драматичных описаний. В Бомонте вряд ли есть проблемы с травлей.

Читать такие комментарии к тексту, которым я гордилась, стыдно. Однако хуже всего то, что я знаю: она права. Я настолько погрузилась в попытки изобразить профессионализм, что не коснулась ничего личного.

Но я отказываюсь впадать в уныние. Я не такая, как Бетани. Если бы меня можно было сломить резкими словами, я бы уже давно сдалась. Я перепису эссе и поступаю в Ю-Пенн.

В сумке вибрирует телефон. Я рефлекторно достаю его и вижу сообщение от Морган.

«Футбольная команда придет. Посмотрим, что ты задумала...»

Слегка улыбнувшись, я закрываю свое эссе и кидаю в сумку. Мои мысли уже заняты сегодняшним вечером.

Глава 2

Я опаздываю в «Скару», потому что на Хайлэнде в пятницу вечером много машин и мне приходится полчаса искать место для парковки, потому что я не хочу платить семнадцать долларов за гараж. Клуб находится на верхнем этаже огромного торгового центра на Голливудском бульваре, среди высоких многоквартирных домов и кинотеатров в стиле «ар деко». Мне приходится лавировать среди туристов, болтающих на языках, которые я не могу распознать, и фотографируют Аллею славы.

Наконец я добираюсь до входа, и вышибала впускает меня внутрь. Обычно в клуб пускают только тех, кому уже есть двадцать один, но сегодня отец Ребекки Дорси снял весь клуб для ее дня рождения. Конечно, они не станут подавать нам алкоголь, но люди творчески подходят к вопросу и находят способы поднять содержание алкоголя в крови.

Я сразу вижу его в мигающем свете.

Прислонившись к бархатному дивану на краю танцплощадки, он смеется вместе с остальной футбольной командой. Выглядит как воплощение абсолютной беззаботности и... сексуальности. Он высокий, сложен как положено школьному спортсмену, а блеск его улыбки можно заметить из другого конца клуба. Я смотрю, как он поднимает руку, чтобы потереть затылок, и край его командной футболки-поло поднимается, открывая полоску темной кожи выше ремня. Симпатичную, манящую полоску кожи.

Это мой момент. Нужно только подойти к нему, присоединиться к разговору, а потом отвести его туда, где мы останемся вдвоем.

Но я не могу.

Музыка неприятно стучит в ушах. Я даже не могу пройти дальше безвкусной скульптуры у входа.

Я целый год этого хотела. Планировала. Почему я не могу это сделать? Возможно, я разучилась флиртовать. Я два года отвергала парней, втайне все больше влюбляясь в этого. Что, если я забыла, как играть в эту игру?

Я вижу, как он закатывает глаза в ответ на очередную глупость, которую говорит Патрик Тодд, и знаю, что будет потом. Его брови резко поднимаются, как всегда случается, когда он готовит одну из своих непринужденных ответных шуток. Он восхитительно прямолинеен.

Это было первым, что мне полюбилилось в Эндрю Ричмонде. Даже когда он только появился в Бомонте, я заметила его невозмутимость и чувство юмора. Наша дружба развивалась, потому что мы оба были не на своем месте среди наших богатых и гламурных одноклассников. У Эндрю имелась дополнительная сложность – он черный в нашей преимущественно белой школе. По той или иной причине мы оба начали свой путь в Бомонте, ощущая себя чужаками.

Я разговаривала с ним тысячи раз, но ни разу – в этом контексте. Даже плохие фразы для съема не приходят в голову. Мне нужна помощь.

Ощущая, как бьется сердце от досады, я осматриваю танцплощадку в поисках друзей. Люди, которых я не знаю, и люди, которые мне не нравятся, заполняют тесную темную комнату. Морган, одетая как хипстер с бюджетом Беверли-Хиллз, в золотом платье на бретельках и бисерной повязке на голове, устроилась на одном из Г-образных белых диванов возле балкона. Она рассматривает Брэда с пылом, который я научилась распознавать – и избегать. Я знаю, к чему идет их вечер, и не стану прерывать *такое*.

Но перед баром Эль водит пальцем по руке Джейсона Рида. Фу. Мне совершенно не стыдно прерывать совершенно неоправданные постельные планы Эль. Прежде чем она успеет затащить Джейсона в темный угол, я пересекаю комнату и ловлю ее за локоть.

– Кэмерон! – возмущается она.

Игнорируя протест, я марширую с ней в дамскую комнату. Закрываю дверь, и Эль проходит внутрь. Я окидываю комнату взглядом. Она грязная, и приглушенный свет не скрывает пролитые напитки и бумажки, разбросанные по полу. В одной из кабинок девушка в платье с блестками придерживает волосы подруги, которую тошнит в унитаз.

– Надеюсь, у тебя была очень хорошая причина для того, чтобы отгаскивать меня от Джейсона, – говорит Эль, выжидательно выгибая бровь.

– Помимо очевидной? – отвечаю я, на мгновение забыв про свою цель. Я тысячу раз объясняла Эль, почему мне не нравится Джейсон. Он – надоедливый безмозглый актер, который обожает исключительно свое отражение в зеркале. У него есть девушка, хотя, полагаю, сегодня она не пришла – но мне приходится общаться с ней каждый день после уроков, во время занятий бегом. – Ты же знаешь, я это не одобряю.

– Если бы я хотела знать твое мнение, то спросила бы, – отвечает она. – Зачем ты меня сюда притащила?

Я дико нервничаю. Эндрю за дверью, всего в нескольких метрах от нас. Я начинаю мерить шагами отвратительный пол туалета, раздраженно взлохмачивая волосы пальцами.

– У тебя есть помада такого оттенка... соблазнительного?

Во взгляде Эль читается понимание.

– Тебя все-таки интересует один из футболистов. Скажи мне, кто.

– Эндрю.

– Эндрю Ричмонд? – Эль начинает улыбаться.

– У тебя есть помада или как? – громко спрашиваю я, скреживая руки на груди.

Эль смотрит на меня со скепсисом и долей юмора.

– К твоему сведению, я не всегда ношу с собой полную цветовую палитру. Если ты собираешься одалживать у меня косметику, тебе нужно писать мне заранее и говорить, что на тебе надето и сколько времени ты в этот день провела на солнце. Я не ношу подходящую для тебя помаду просто так.

– Ладно, – я смотрю на нее в упор, – пойду одолжу у Морган. У меня есть планы на этот вечер, и если у тебя...

Эль вздыхает.

– Иди сюда, – приказывает она. – То, чем накращена Морган, на тебе будет выглядеть ужасно.

Удовлетворенно кивнув, я прислоняюсь к раковине, спиной к зеркалу, и наблюдаю, как Эль вытаскивает из сумочки четыре разных помады. Затем она смешивает их на руке и наносит результат мне на губы одним пальцем. Эль – профессионал и перфекционист. Я знала, что у нее что-нибудь найдется.

– Годами ты заставляла меня заниматься грязной работой – отваживать всех интересующихся тобой парней, – говорит она, удерживая меня за подбородок, пока красит мне губы. – А теперь ты бегаешь за Эндрю Ричмондом. Не желаешь объясниться?

– Нет, не желаю, – резко отвечаю я. Могла бы, если бы захотела. Месяцами я составляла список причин, чтобы нарушить свое правило – ни с кем не встречаться – ради Эндрю. «Он меня смешит. Он объективно шикарно выглядит. Мы оба занимаемся бегом. Он предан тому, чем занимается. Он доказал, что у него есть цели, и старательно работает, чтобы их достичь. Я не хочу умереть девственницей».

– Все потому, что он свежая кровь? – продолжает она, не слушая меня. – Новичок среди популярных ребят. Он только что присоединился к команде, он – единственный из парней в школе, который не встречался с каждой блондинкой в окрестностях. Это интересно. И ты еще не провела с ним достаточно времени, чтобы понять: он такой же невразумительный, как остальные парни.

– Мы с Эндрю знакомы много лет, – огрызаюсь я. – Я бы знала, если бы он был «невразумительным». Так же, как знаю это про Джейсона. – Я бросаю на нее выразительный взгляд, который она игнорирует. – Эндрю... не такой.

– Насколько не такой? – настаивает Эль тоном, полным скепсиса.

Я не отвечаю сразу, потому что вспоминаю дождливый день в декабре, когда мы были в одиннадцатом классе. Сидели у меня в спальне, потому что наши мамы ужинали внизу, а мы не могли пойти на пробежку, когда с неба лил дождь. Мы делали уроки, и я паниковала из-за группового проекта, в котором меня объединили с Эбби Флейшман, которая приняла недопустимое решение – провести выходные в дурацком костюме на комиксном конвенте. Очевидно, что это было глупо и по проекту мы ничего не сделали. Еще пять минут, и я бы разразилась тирадой мирового уровня о сомнительных жизненных решениях Эбби, но тут Эндрю оторвал взгляд от учебника по истории.

– В мире голодают люди, Кэмерон, – сухо сказал он. – Ты переживешь.

Я моргнула, слишком выбитая из колеи, чтобы сердиться, и рассмеялась. А потом засмеялся Эндрю, и паника в груди улеглась. Я заметила, что он милый, когда смеется. Заметила ямочку у него на правой щеке. Заметила, как загораются его глаза и от этого светится вся комната.

– Мы подходим друг другу. Вот и все, – говорю я Эль.

Она не отвечает.

– Если хочешь, чтобы я закончила красить тебе губы, – после паузы говорит она, – перестань улыбаться как дурочка.

Я не могу не улыбнуться еще шире. В ответ Эль щелкает меня по носу.

– Ну ладно, – она отступает на шаг, оценивая свою работу, – ты готова.

Каждое воспоминание о нас с Эндрю танцует у меня в голове – каждый разговор, каждая пробежка, каждая шутка. Каждый личный, идеальный момент. Почему я нервничала? Сегодня вечером мне не обязательно идеально выглядеть или идеально флиртовать. Все дело во мне и в нем.

– Готова, – отвечаю я, даже не проверяя свое отражение в зеркале. Эндрю знает меня лучше, чем все остальные, не считая ближайших подруг. Мне достаточно быть собой.

Глава 3

Я делаю глубокий вдох и ныряю обратно в клуб.

Чтобы пройти через толпу, приходится сражаться. У меня на пути футболист отвратительно трется о миниатюрную рыжую девушку. Я посылаю ему уничижительный взгляд, и он отодвигается от нее с пристыженным видом. Я ловко огибаю Сару Марко и Бена Нгуена, уже на полпути к третьей базе. Почти у самого лаунжа в опасной близости от моего лица проносится чей-то локоть.

Инстинктивно отшатнувшись, я разворачиваюсь к этому идиоту – и у меня расширяются глаза.

Пейдж Розенфельдьяна. Она несуразно шатается, возвышаясь над девушками ниже ростом; вверх взмываются плохо покрашенные в рыжий волосы – потные и растрепанные. Она танцует со слаженностью жирафоподобного подростка под алкоголем. Уродливое желтое платье в обтяжку демонстрирует изгибы, о наличии которых я не знала. Обычно она ходит в школу, утопая в рюшах и кружевах, в очевидно и необъяснимо самодельных платьях. На моих глазах она едва не разливает напиток девушки поблизости; ее взгляд на мне не задерживается.

Трудно поверить, что она здесь. Пейдж Розенфельд не входит в довольно обширный круг людей, которые ходят на вечеринки Бомонта. Я не думала, что танцы, веселье или контакт с людьми – в ее стиле. Она учится в Бомонте на стипендию. Не то чтобы принадлежность к небольшому числу детей, которые учатся на стипендию, была барьером для популярности, но у нее каждый месяц новая ужасная прическа, она носит неопишемую одежду, слушает ноющую депрессивную музыку... И что, вероятно, хуже всего, ее младший брат – Блевотный Брендан, который на протяжении всей средней школы блевал в столовой, в автобусе и на своих школьничков, слишком часто, чтобы нравиться людям. Я начала звать его Би-Би – сокращение от «Блевотный Брендан» – и прозвище прилипло. Не понимаю, что Пейдж вообще тут делает.

Я получаю ответ на вопрос, когда на танцполе появляется Джефф Митчелл с двумя стаканами. Оба едва не разливаются на всех в радиусе полутора метров, когда Пейдж замечает его и бросается на шею.

Я стараюсь скрыть, что меня тошнит. Две встречи с Джеффом Митчеллом в один день? Меня, наверное, прокляли. Не могу представить, почему Пейдж, которая явно презирает «БМВ» и сумки «Биркин» наших одноклассников, заинтересовалась Джеффом. Если бы меня это хоть немного волновало, я бы попыталась выяснить. Но мне не интересно.

Краем глаза я замечаю, что Эндрю направляется на открытую террасу клуба. Оставив Пейдж крутить шашни, о которых она неизбежно пожалеет, я иду за ним. Терраса тянется вдоль всего клуба; на ней стоят современные стулья и обогреватели, а еще бар с видом на город. Помимо шума из клуба, я слышу с улицы гудки и гул машин на Голливудском бульваре.

Мой взгляд притягивает мерцающая панорама центра Лос-Анжелеса. Скопление небоскребов, параллельные линии белых и красных огней фар на автострадах. Цвета образуют восхитительный контраст – яркие огни на фоне черного ночного неба.

Эта картина идеально подойдет для сайта, над которым я работаю. Я снимаю вид на телефон.

Терраса заполнена моими одноклассниками, и у всех в руках красные пластиковые стаканы. Пока я пробираюсь к перилам, меня окликают пара ребят из команды по водному поло. – Хочешь выпить? – кричит Кайл Креттон, демонстрируя фляжку под спортивной курткой.

Я морщусь. Пусть все остальные девчонки пускают слюни на капитана команды по водному поло, меня ни капельки не интересует Кайл Креттон и его спрятанное бухло. Совершенный пресс и плавки – это, конечно, хорошо, но Кайл ничем не отличается от остальных парней,

которым я отказала. Он спокойно прогуливает уроки ради пончиков и каждую пятницу заманивает младшекласниц на алкоголь. Он неинтересный. У него нет мотивации. Он не стоит усилий или риска.

– С тобой? – кричу я в ответ. – Ни за что.

Кайл морщится; остальные парни пихают его и орут «Сделала» и «Попал, чувак». Мне скучно, и я иду дальше.

Эндрю облокотился на перила балкона с панорамным видом; он – единственный здесь, кто не пьет украдкой и не глазеет на пьяных девиц. Он выглядит напряженно, как будто не знает, что делать. На нем все еще мятая футболка-поло команды Бомонта, ярко-зеленый цвет выделяется на коже. Я на секунду останавливаюсь, наслаждаясь зрелищем. Тем, как ткань обтягивает его мускулистые плечи; его короткой стрижкой-фейд с идеально выстриженными волосами вокруг ушей. Идеальной щетиной на подбородке.

– Эндрю Ричмонд, – окликаю я, подходя к нему. Уверенность мне идет.

Услышав мой волос, он явно немного расслабляется. Его губы изгибаются в легкой улыбке; взгляд не отрывается от панорамы.

Я облокачиваюсь на перила лицом к террасе.

– Нравится вечеринка? – спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне, сводя брови. Он выглядит так, словно не уверен, снится ли ему это, или я сошла с ума.

– Что ты делаешь?

Он не критикует. В его голосе искреннее любопытство.

– Я думала, что разговариваю с новым начинающим футбольной команды школы Бомонт. – Я замечаю, как у него раздувается грудь от гордости, но доля света уходит из глаз. Облако пробегает перед луной, бросая на нас тень.

– Да, просто ты... – сбивчиво начинает он. – Обычно ты со мной не разговариваешь.

– Что? – Я наклоняюсь ближе, едва не соприкасаясь с ним плечами. – Сейчас мы общаемся.

– Но не... Понимаешь, – он качает головой в сторону клуба, – не на школьных тусовках.

Я чувствую вину от того, что должна признать: в его словах есть доля правды. Когда Эндрю впервые начал учиться в Бомонте, в середине шестого класса, он и его семья никого не знали. Его мама быстро подружилась с моей, объединенные любовью к «Холостяку³», который смотрели вместе с религиозным рвением. Мама Эндрю, Деб, приводила его с собой, когда мы оба были в шестом классе, надеясь, что мы подружимся. К тому времени когда мы уже выросли из вынужденного общения, он стал ее трезвым водителем.

В результате мы с Эндрю проводили вместе много времени в старшей школе – делали уроки, смотрели телик или просто разговаривали. Время от времени отправлялись на пробежку.

Я не особенно замечала Эндрю, когда мы только начали общаться – только редкий, но острый юмор. У него не было собственного «Я». Его прическа-афро вечно менялась, оценки были средними, он не стремился разговаривать в группе и никогда не знал, кем хочет стать. Я не рассматривала его с точки зрения романтики, потому что он плыл по течению, и я не хотела рисковать такой связью. Если бы я решила с кем-нибудь связаться, то хотела, чтобы он стоил беспокойства, стоил той части меня, которую я собиралась отдать. Я выучила этот урок во время своих первых, неудачных отношений, в которых я приложила неприличное количество усилий, чтобы завоевать парня, не удосужившись задуматься, стоит ли он того. Он не стоил. Мы очень скоро расстались.

³ Холостяк – реалити-шоу. –Прим. пер.

Затем Эндрю отрастил мышцы. Его не интересовал организованный спорт, но длинные ноги и гибкая фигура оказались идеальными для того, чтобы гонять мяч по полю.

Я заметила. Заметила потенциал.

Год намеков, и Эндрю наконец стал тренироваться регулярно и проявил инициативу, несколько недель назад пройдя отбор в команду.

Я кладу ладонь ему на руку, на которой проступают мурашки, несмотря на теплую голливудскую ночь. Он провожает мою руку взглядом до того места, где мои пальцы касаются сгиба его локтя.

– Теперь, когда ты в команде, думаю, наши круги общения будут... пересекаться, – говорю я, выразительно глядя на него.

Ему приходится сглотнуть, прежде чем ответить. Неудивительно, что у него слегка пересохло во рту. Когда он поднимает взгляд, равновесие к нему возвращается.

– Пересекаться? – ровным тоном говорит он. Зрачки расширяются, заполняя темные глаза. – Что конкретно ты имеешь в виду?

Позади нас раздается визг. Мы с Эндрю оглядываемся как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка отчаянно оттирает янтарное пятно с платья, пока двое парней из водного поло хохочут у нее за спиной. «Идиоты!» – кричит она.

Пора переместиться в более интимную обстановку.

– Иди за мной, и я тебе покажу, – шепчу я Эндрю на ухо и быстро отстраняюсь. Ощущая, как его взгляд прожигает мне спину, я направляюсь внутрь, слыша позади его шаги.

Эндрю нравится мне не потому, что он в команде. Он не такой, как парни, с которыми я отказывалась встречаться. Он умный и неизменно добрый. У него есть мотивация и талант. Я могу представить, что у нас с ним будет что-то настоящее, чего раньше представить не могла. То, что он попал в команду, стало последней необходимой деталью.

Я веду его мимо толпы, к VIP-кабинкам в глубине. Они отгорожены бархатной веревкой, что, полагаю, означает: мы не должны туда заходить. Но никто не смотрит, мы далеко от танцпола, и клуб арендован целиком. Ничего не случится. Я отцепляю бархатную веревку и проскальзываю за занавеску. Внутри пусто, я разворачиваюсь и жду.

Считанные секунды спустя туда влетает Эндрю. Он смотрит на меня, а я на него. Я шагаю к нему, и его глаза раскрываются шире, когда я провожу ладонями у него по груди. Что бы он ни ожидал от сегодняшнего вечера, но точно не этого. В следующее мгновение я целую его, и, наконец понимая, куда мы направляемся, он обхватывает меня за талию. У него талант, понимаю я.

Я тяну его за руку на диван и откидываюсь на подушки.

– Ты мне очень нравишься, Эндрю, – шепчу я, усаживая его рядом.

– Забавно, – он останавливается, почти касаясь моих губ. – У меня всегда было обратное впечатление. Мы много лет дружили, и ты никогда...

Я прерываю его долгим поцелуем.

– Но теперь я «за», – говорю я, прогоняя нетерпение из голоса. – Разве этого недостаточно? Мы можем еще поговорить, или... – Я опускаю руку к его ремню.

На этот раз он меня целует. В том, как его губы встречают мои, нет ни тени колебания. Ничего, кроме сплетения языков и сильного желания. Я стягиваю с него футболку, изучая каждый миллиметр кожи руками. Он пропускает мои волосы сквозь пальцы, скользит ладонью по моей груди и выдыхает:

– Ты такая красивая.

Все идеально. Правда.

Пока позади Эндрю не раздается грохот и на него не обрушивается что-то тяжелое. Он врезается лбом мне в нос; от боли у меня начинают слезиться глаза.

– Какого черта? – кричу я, резко поднимаясь и натягивая платье на грудь, на которой больше нет бюстгальтера. Эндрю выглядит не менее ошеломленно. Когда зрение возвращается ко мне после вспышки света из раскрывшихся занавесок, я осознаю, что теперь с нами в кабинке есть третий человек.

Пейдж Розенфельд.

– Ты пьяная или просто тупая? – рявкаю я.

Если раньше она выглядела ужасно, теперь эта девушка представляет собой жалкое зрелище. Слишком густая тушь течет по щекам как черная паутина, кое-где сбившись в комки. Когда Пейдж подтягивается и неуверенно встает на ноги, держась за край дивана, на платье обнаруживаются самые настоящие сопли.

У меня в голове раздается голос отца: «Жалкое зрелище».

– Извините, – говорит Пейдж, отчаянно шмыгая носом. – Я не думала, что кто-то окажется настолько бесстыдным, чтобы трахаться в клубе за тонкой занавеской.

Я прищуриваюсь. Пейдж не так пьяна, как кажется. Какое она имеет право называть меня бесстыдной, когда сама вешалась на Джеффа у всех на глазах?

– Зависть тебе не идет, – кривлю губы я. – Что, с Джеффом не срослось? Почему бы тебе не закрутить с кем-нибудь таким же *жалким*?

Я в упор смотрю на Пейдж, но уголком глаза замечаю, как выгибает брови Эндрю. Возможно, у меня во взгляде заметна обида на ее разгромную рецензию на мое эссе. У Пейдж на глаза снова наворачиваются слезы.

– Я все думала... – говорит она дрожащим голосом, – наверное, ты в душе и правда такая ужасная, как себя ведешь.

Она выходит за штору, не позволяя слезам пролиться.

Я повожу плечами, отменяя оскорбление. Откинувшись за диване, кладу руку на сиденье, приглашая Эндрю.

– На чем мы остановились?

Он не двигается с места. Его губы изгибаются; Эндрю в недоумении.

– Ты хочешь продолжать *послетакого*?

Я не сразу понимаю, о чем он говорит.

– Понимаю, она нам помешала, – говорю я, стараясь поддерживать легкость в голосе. – Но я слишком долго ждала, чтобы позволить *Пейдж Розенфельд* все испортить. – Я сажусь, придерживая платье на груди.

Невероятно, но он не отводит взгляд от моего лица.

– Она явно расстроена. Не обязательно было ее обижать. – Его голос звучит мягко, но не без критики.

– *Ну простите*, – говорю я, все еще не веря, что мы до сих пор обсуждаем Пейдж. – Она *первая* меня оскорбила. Не заметил? Хотя, если честно, суть не в оскорблениях. Я просто не могу особо сочувствовать таким девицам, как Пейдж.

Я понимаю, что не слишком помогаю вернуть настрой, но это мои чувства, и я не собираюсь их подавлять, поэтому продолжаю:

– Она рыдает из-за того, что с каким-то уродом, которого она едва знает, не сложилось? Брось. Это правда жалко.

Я ощущаю разочарование, когда Эндрю надевает футболку.

– Знаешь, – говорит он, – ты очень красивая, и иногда, когда мы наедине, мне кажется, что ты того стоишь. Но правда в том... – он останавливается у входа, – ...что ты стерва, Кэмерон Брайт.

Занавески сходятся за его спиной. Я сижу в тишине. Меня удивляет то, насколько ранит это слово. Я никогда не слышала его от человека, который мне дорог, человека, слова которого могут причинить боль.

Однако я не буду плакать. Плакать – жалко. Это не поможет.
Никогда не помогало.

Глава 4

На следующее утро меня будит звонок телефона, испортив обычный субботний план поспать подольше. Я бросаю взгляд на экран – звонит Эль. Ощувив укол совести, я выключаю звук, и звонок переключается на голосовую почту. Надеюсь, ей понравилась ночь с Джейсоном, но прямо сейчас я не готова слушать откровенные подробности.

Встать.

Пойти на пробежку.

Разобраться с мамой.

Дел достаточно, чтобы поднять меня с кровати.

Мне больно из-за того, чем вчера все закончилось с Эндрю, из-за того, как он меня назвал. Мысль крутится на краю сознания, пока я застилаю кровать. То, что я наговорила Пейдж, прозвучало плохо – честно говоря, я могла бы быть повежливее. Но Эндрю меня знает. Он все поймет.

Или нет и я потеряла то, чего ждала целый год.

Сейчас я ничего не могу поделать. Только ждать.

Нужно пробежаться.

Я храню свое снаряжение для бега именно там, где мне удобно, как и все остальное в моей комнате. Пространство безупречно организовано, и я этим горжусь. У меня небольшая комната, не сравнить с огромными залами моих подруг, и я регулярно слышу, как ругаются соседи за стеной. Краска облезает с кремовых стен, на которых я развесила дизайны сайтов, над которыми работаю. Но все на своих местах. Для каждого шарфа есть крючок на вешалке у двери, у каждой страницы с домашней работой – место на письменном столе. Каждый выпуск «Экономиста» по порядку выстроен на полке.

Я надеваю футболку беговой команды Бомонта, забираю кроссовки возле двери по пути в коридор и морщусь, как обычно.

Хотя в своей комнате я поддерживаю чистоту и порядок, моя мама поступает с остальной частью квартиры ровно наоборот. Я прохожу мимо ее комнаты, где пол завален горами белья, – чистого или грязного, определить невозможно. Она оставила несколько пар обуви в коридоре – розовые туфли на каблуках и балетки, которые опять сняла и не убрала на полку.

Я собираю обувь и отношу к ней в комнату. Взглянув на кровать, я к своему удивлению обнаруживаю, что одеяло откинута и в кровати никого нет. Обычно мама не встает раньше полудня. Я мысленно реорганизирую свой список.

Разобраться с мамой.

Сходить на пробежку.

Найти возможность обратиться к ней в комнату и рассортировать белье.

Она оказывается за стойкой в крохотной кухне, где добавляет какие-то специи в блендер. Мои надежды на то, что она выбралась из кровати ради чего-то продуктивного, рассеиваются, когда я вижу на ней халат и фольгу в волосах. Если она их осветляет, то много часов не выйдет из дома.

У нее такие же светлые волосы, как у меня, и на этом сходство заканчивается. У мамы округлое, пухлое лицо – как у молодой Рене Зельвегер, сказала бы она. В общем-то, она так и говорит. Я ловила ее перед зеркалом на копировании выражения лица с фотографий из «Джерри Макгвайр», открытых на телефоне. У меня же вытянутые, острые черты отца, его синие глаза и тонкие губы. Это единственное, что мне от него досталось, кроме оплаты обу-

чения и подписки на «Экономист», которую, к его искреннему изумлению, я попросила на шестнадцатилетие. Это один из редких подарков на день рождения, который он мне подарил. Обычно его финансовый вклад в нашу семью ограничивается тем, что позволяет ему хорошо выглядеть перед коллегами.

– Это что, кайенский перец? – спрашиваю я у мамы, шнуруя кроссовки.

– Я пробую новый рецепт, – жизнерадостно говорит она. – Лимонад, кайенский перец и браунколь. Деб на этом сбросила семь кило! Кстати, – мама поднимает взгляд, как будто удивленная тем, что вспомнила, – Деб сегодня не придет.

– Постой, почему? – спрашиваю я, переставая завязывать шнурки. Не может быть, чтобы мама Эндрю отменила встречу из-за того, что он не хочет меня видеть. Правда?

– Она сказала, что родня мужа все еще в городе, – говорит мама, включая блендер, который начинает яростно жужжать.

Я с облегчением киваю. Я помню, как Эндрю говорил, что его бабушка и дедушка не могут улететь домой в Нью-Джерси. Наверное, хорошо, что в понедельник ничего не будет. Мысль о том, что придется сидеть в каменном молчании напротив Эндрю, пока наши мамы хохочут и перешептываются, обмениваясь сплетнями о школьном совете, в животе образуется комок, от которого меня избавит только пробежка.

Мама выключает блендер, и он со скрипом и заиканием останавливается. То, что машина еще работает, – небольшое чудо, учитывая что она была у мамы еще тогда, когда мой отец жил в Лос-Анжелесе, до моего рождения, и она подвергала его бесчисленным чисткам за прошлые восемнадцать лет.

Наверное, она замечает скепсис в моем взгляде, потому что смотрит на меня.

– Это не такая чистка, как другие, – говорит она и торжественно провозглашает: – Джаред Лето ею пользуется.

– Окей... – Я ставлю пятку на спинку дивана и нагибаюсь, растягивая подколенное сухожилие. – Но ты всегда начинаешь свои чистки, а через два дня сдаешься. Я просто не вижу смысла.

Улыбка мамы исчезает; она сурово хмурится, готовая обороняться. Это одна из основополагающих истин существования моей матери. За каждой улыбкой прячется неуверенность.

– Я могу начинать и заканчивать чистки как захочу, Кэмерон, – возражает она. – Какое тебе дело?

– Никакого, – мрачно говорю я и меняю ногу, которую растягиваю. В этом мы различаемся. Моя мать все бросает. Сначала актерскую карьеру, мечту, ради которой она двадцать лет назад переехала из Индианы в Лос-Анжелес. Теперь это любая работа, которую она находит, – кейтеринг, стрижка волос или работа официантки. Наши жизни были бы другими, если бы не стало так трудно находить роли, когда ей исполнилось сорок. Но возраст в Голливуде не ценят, и мама не выдерживала постоянных отказов. Как только становится тяжело, она сбегает – на следующую работу... или на диван. Отказы ее парализуют. Я видела, как это происходит после бесчисленных прослушиваний, и видела, как это происходит на протяжении многолетних попыток заставить моего отца на ней жениться.

– Не у всех обмен веществ как у тебя, – продолжает она. – Прояви сочувствие к другим.

«Серьезно?» Я опускаю ногу, зная, что она не замечает: на мне спортивная одежда и я отправляюсь на десятикилометровую пробежку.

Вместо спора я меняю тактику.

– Что ты сегодня делаешь? – спрашиваю я, хотя халат и фольга уже отвечают на мой вопрос.

Мама быстро косится в сторону, подтверждая мою догадку.

– Ты же знаешь, я ищу работу, – говорит она с явно натянутой беззаботностью.

Мне знакомо напряжение у нее в голосе, так что я решаю надавить.

– Да, но что с беседами? Я могла бы помочь тебе искать...

– Нет, спасибо! – Она отворачивается, чтобы налить коктейль, все еще натягивая на лицо жизнерадостность. – Я пока не готова. На следующей неделе.

Со стаканом в руке она шаркает к дивану и опускается на него, накидывая на колени свой любимый плед с леопардовым рисунком и включая телевизор.

Я делаю глубокий вдох. В душе я знаю, что придется писать отцу и просить денег. Хотя он оплачивает нам квартиру – достаточно, чтобы жить в сорока минутах от школы, за которую он платит, но не ближе, – скорее всего, его не обрадуют письма с дополнительными просьбами. И я даже не могу его винить. Все было бы иначе, если бы мама искала работу. Но зачем ему помогать нам, если она даже не пытается помочь себе?

– Эй, – начинаю я, заранее понимая, что это ужасная идея, – как насчет школы актерского мастерства, в которой летом училась Морган? Уверена, что ты могла бы там преподавать.

– Преподавать? – вторит мне мама, не отводя глаз от экрана. – Учить этих избалованных детей? Нет уж, спасибо.

Я игнорирую укол в адрес моих друзей, хотя практически уверена, что он был намеренным.

– Но ты правда хороша в этом, мам. – Я присутствовала на многих прослушиваниях и видела достаточно репетиций, чтобы это знать. – Морган сказала, что ты первая отметила, как она часто использует подергивание губами. Я думаю, что будет здорово...

– Хватит, Кэмерон, – обрывает меня мама; голос снова становится жестким и капризным. – Я сказала, что не в настроении. Думаешь, мне нужно, чтобы мне каждый день напоминали, что я провалилась как актриса? Нет уж, спасибо, – повторяет она, на этот раз говоря «разговор окончен».

– То, что ты весь день сидишь на диване, тебе не напоминает? – огрызаюсь я, не в силах больше сдерживаться. В такие дни я ее ненавижу. Дни, когда я просто пытаюсь двигаться в завтрашний день, а она пытается никуда не двигаться. – Ладно, не пытайся. Дай мне знать, когда надо будет снова писать отцу и выпрашивать деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.